

Калмыцкие сказки

Храбрый Мазан

Давно это было. Ни меня, рассказчика, ни вас, читатели, ни отцов наших на свете тогда не было. Жил в одном хотоне бедный калмык. Был он хилый, болезненный, пожил недолго и умер.

Остались после него жена и крошка мальчик.

[Хотон - селение в несколько кибиток, кочевавших вместе.]

Умер калмык, и ушла его жена с ребёнком к доброму старику - дяде мужа. Когда пришла, взял подслеповатый старик на руки новорождённого мальчугана, погладил его, пощупал, смотрел на него долго, внимательно.

- Как звать мальчика?- спрашивает.

- Мазан.

- Смотри, сноха,- говорит старик,- родился у тебя не простой мальчик. Вырастет - замечательным человеком будет. Береги его, осторожна будь.

Стал расти Мазан.

Часто вспоминала мать слова старика про её сына. Не сбывались те слова. Рос Мазан мальчиком некрасивым, неловким. Голова у него, как котёл, была большая. Живот на шар походил, а ноги, что палочки тонкие. Одно утешение: был Мазан мальчиком добрым, ласковым.

Все считали Мазана неудачником, жалели мать, что такого плохого сына единственного имеет.

По ночам не раз плакала мать Мазана: гладит спящего мальчика-неудачника, втихомолку горькие слёзы льёт.

Один только старик на своём стоит. Дряхлым он стал, ослеп совсем. А как приласкает Мазана, по волосам рукой высохшей погладит мальчика, так и твердит:

- Не мог я ошибиться. Не таким будет твой мальчик. Не пришло ещё время его. Сына крепче жизни люби, расти его, береги.

Так и шёл год за годом. Подрос Мазан, юношей стал.

Однажды пошёл Мазан вместе с табунщиками лошадей у колодцев поить.

Пришли к колодцам и видят - расположился около них на отдых караван. Из далёких мест караван пришёл. Куда ни взглянешь - верблюды, лошади, палатки, повозки.

Посмотрел Мазан - на одной повозке луки со стрелами лежат. Заблестели глаза у мальчика, подошёл он к повозке, рассматривает луки, пальцем трогает, а взять не смеет.

Заметил это один из путешественников. Видит - мальчик на вид слабенький, неуклюжий, и решил он посмеяться над ним.

- Что ж,- говорит,- смотришь на луки, а взять не смеешь? Выбери себе лук, постреляй.

- Можно?- спросил Мазан.

- Конечно, можно. Позволяю тебе из любого лука стрелу пустить.

Собрались у повозки люди смотреть, как это Мазан из лука стрелять будет. А Мазан самый большой лук выбрал. Не то что юноша - взрослый человек, силач, и тот не мог такую тетиву натянуть.

Взял Мазан лук, стрелу вложил, мигом тетиву натянул, так что концы лука сошлись, пустил стрелу длинную.

Ахнули все кругом. Вышли сильнейшие люди, пробуют тот лук, да не в силах и на вершок тетиву оттянуть.

Попросил Мазан продать ему лук, из которого стрелял он. Запросил путешественник за лук этот косяк лошадей.

- Берёшь?- спрашивает путешественник.

- Беру,- говорит Мазан и велит табунщикам отдать косяк лошадей.

Побежали табунщики к дяде отца Мазана, старику дряхлому, жалуются на юношу, рассказывают,

как тот из лука стрелял и как за лук требуют теперь путешественники последний косяк лошадей отдать.

Улыбнулся старик, обрадовался.

- Не прекословьте,- говорит.- Отдайте моих лошадей путешественнику, пусть Мазан себе лук крепкий купит. Не ошибся я, значит. Долго я ждал, что Мазан сильнее других станет, свой народ защищать будет. Вот и дождался.

Скоро по всем хотонам о Мазане молва пошла. С утра до ночи стрелял Мазан. Стрелы его на сотни вёрст летели, и ни одна мимо цели не пролетела. Ни один стрелок не мог с Мазаном равняться. Не страшила его никакая опасность. Умён он стал, ловок, смел. Никто не узнал бы теперь в статном и сильном молодце Мазане хилого и нескладного мальчугана.

Крепко любил Мазан народ свой. Справедливым был. Защищал бедных, честных людей в обиду никому не давал. Любил и народ Мазана, видел в нём батара нового.

Одним утром проснулся Мазан от шума сильного. Слышит - мужчины кричат, женщины и дети плачут. Вскочил Мазан, оделся быстро, из кибитки вышел. Посмотрел и видит - приближается батар Байхтан-Эретын. Где батар тот непобедимый появится, там и скот весь угонит. Сильней Байхтан-Эретына на свете никого не было.

Перед Байхтан-Эретином и Мазан устоять не мог, силой Байхтан-Эретына никто взять не мог. Знал Мазан, что не силой, а умом и храбростью ему действовать надо, встал спокойно и ждёт. Подъехал Байхтан-Эретын, разогнал людей, мимо Мазана проехал, посмеялся над ним. Весь скот, до последней козы и лошади, угнал с собой Байхтан-Эретын.

Просили Мазана люди помочь им, плакали, умоляли его. Стоит Мазан молча, с места не двигается.

Уехал Байхтан-Эретын.

Зашёл тогда Мазан в кибитку, взял лук и стрелы к нему. Среди стрел была у него любимая стрела аминсомун (душа-стрела). Острие стрелы этой было смазано ядом. Когда летела стрела, пела песню чудесную.

Отправился Мазан по следам Байхтан-Эретына.

Знал Мазан, что неуязвимого батара того нельзя ни мечом, ни стрелой убить. Было у Байхтан-Эретына лишь одно место уязвимое. Чтоб убить его - надо было ему горло пронзить. Только никому сделать этого не удавалось. Носил Байхтан-Эретын стальной воротник высокий да ещё голову всегда вниз опускал.

Долго блуждал молодой богатырь, пока не нашёл Байхтан-Эретына.

Встретились богатыри.

Как увидел Байхтан-Эретын Мазана, вынул меч острый, стегнул коня чёрного, поскакал к Мазану. Быстрее ветра несётся конь чёрный, блесит на солнце шлем и кольчуга Байхтан-Эретына. Вот-вот снесёт он голову Мазану.

Не дрогнул Мазан, с места не тронулся. Спокойно взял стрелу любимую, лук над головой поднял, тетиву натянул, будто вверх стрелу пустить хочет. Сам же с Байхтан-Эретына глаз не спускает.

Удивился Байхтан-Эретын. Никогда ещё не видел он, чтобы богатыри себя так держали. «Что за диковина, - думает, - ведь я же его убить приготовился, а он в небо стрелу пускать собирается. Ну и глуп же богатырь калмыцкий! Интересно, куда это он целиться вздумал?»

Не сдержал Байхтан-Эретын любопытства. Поднял вверх голову, а Мазан тотчас в шею ему стрелу пустил.

Быстро и метко стрелял Мазан. Не успел Байхтан-Эретын голову склонить, как стрела ударила поперх воротника, где железные пуговицы расстегнулись.

Широка и остра была стрела. Покатилась с плеч голова Байхтан-Эретына.

Силён и могуч был Байхтан-Эретын. И без головы продолжал он скакать на лошади. Когда поравнялся с Мазаном, на полном скаку рубанул мечом, чуть не рассёк пополам Мазана. Въехал Байхтан-Эретын на холм невысокий, слез с лошади, стреножил её, седло снял, постелил бурку свою, воткнул в землю меч глубоко, не выпуская рукояти лёг на бурку, ноги вытянул, недвижим стал.

Когда подошёл Мазан, Байхтан-Эретын уже мёртв был.

Забрал Мазан скот, возвратил его народу.

Вот каков был храбрый богатырь Мазан.

Только не пришлось ему долго жить.

Было у Байхтан-Эретына двое сыновей. Когда узнали они о смерти отца, поклялись отомстить Мазану.

Однажды напали они вдвоём на Мазана, когда тот по степи ехал. Подкравшись сзади, искололи его кинжалами острыми, бросили мёртвого в колодец глубокий.

Когда ехали мимо хотона, где Мазан жил, стали хвалиться, как Мазана убили.

Посмеялись над ними.

- Зря,- говорят им,- время тратили, кинжалы тупили. У богатыря Мазана ночью, когда на небе звёзды появляются, все раны стягиваются и заживают сами. Поэтому и зовётся он: «Мазан, сын Очира, оживающий, когда звёзды появляются на небе полностью». Скоро выползет он из колодца. Сначала очень слаб будет, как верблюжонок новорождённый. Через час снова богатырской силой наполнится. Тогда несдобровать вам в честном бою. Лучше поскорей убирайтесь подальше.

Отъехали братья, посоветались, обратно свой путь направили.

Ночь настала. На небе яркие звёзды светят. Подъехали братья к колодцу и видят - ожил Мазан, из колодца лезет, не окреп ещё.

Бросились братья к Мазану, схватили его, снова убили, на части разрезали, разбросали тело его по разным местам.

Так погиб храбрый батар Мазан.